

**СОВЕТСКАЯ
МИЛИЦИЯ**

**ЭПОХА
ПОРЯДКА**

Валерий ШАРАПОВ

**Золотое
пепелище**

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Художник — *Павел Магась*

Шарапов, Валерий Георгиевич.

Ш25 Золотое пепелище / Валерий Шарапов. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с. — (Советская милиция. Эпоха порядка).

ISBN 978-5-04-197850-1

Шестидесятые годы. В подмосковном поселке сгорела дача семьи Каяшевых. Следственная группа во главе с лейтенантом Александром Чередниковым находит на пепелище обгоревшие трупы хозяйки дачи и ее дочери. Эксперты выясняют, что женщины были сначала задушены, а потом сброшены в подвал. Кто же устроил такую жестокую расправу? Лейтенанту Чередникову удастся выяснить, что пожар в поселке — это только маскировка настоящего преступления. А свое начало трагедия семьи Каяшевых берет в голодную зиму блокадного Ленинграда...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-197850-1

© Шарапов В., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ЧАСТЬ I

В эту ночь было особенно тошно. Сначала душно, потом комарья налетело, хоть руками разгребай, далее выползла наглая луна и принялась светить так, что видно было сквозь закрытые веки. Потом пара каких-то негодяев, точнее, негодяй с негодяйкой, отправилась поплавать под луной на чем-то не менее галеры с батальоном рабов — иначе как объяснить оглушающее шлепанье весел, а когда оно затихало, начинала хихикать дамочка. Вроде и тихо, но до такой степени манерное «хи-хи», что свербело от макушки до пяток, аж ноги сводило. Подлая кошачья тварь дралась и орала на безопасном расстоянии — сапог не добросить.

Когда же милосердный сон сморил-таки, пошла срамота сниться такая, что уши запылали — что же это, мама дорогая?! Стоило уехать из дому, из-под родительской опеки — и подсознание прям как с цепи сорвалось. Особенно одна запомнилась: длинная, гибкая, как гадюка, с черными блестящими кудрями, змеями свивающимися вокруг го-

ловы, и морозными серыми глазами. Повернулась, через голое плечо глянула и голосом сладким, как погибель, взвыла:

— Молок-а-а-а-у! Молок-а-а-а-у, кому молоко-а-а-а-у!

От неожиданности чуть не до потолка подкинуло на койке, чуть не до облупленного потолка. Приземлился. Проснулся. И качался на панцирной сетке до тех пор, пока не почувствовал, что мутит. Оно, конечно, спасибо, что разбудила, не придется краснеть на мамин вопрос: «Что во сне показывали?» С другой стороны... что ж она так воет?!

Глянул ошалелым глазом на ходики: шесть тридцать утра, мама-мия. Суббота! Спит ли она-то сама? Или рыщет в ночи специально под окнами честных, до недавнего времени сугубо городских людей, к которым на свежем воздухе сон не идет? И, дождавшись, когда они все-таки отключатся, воет именно таким вот голосом.

А по тропинке от незакрывающейся калитки уже шествовала Анна Степановна, местная молочница, для своих — Нюрка-с-трудоднями, дама во всех отношениях монументальная, мечта Коненкова. Вот только голос подкачал: мощный, но такой кислущий, по зубам скрежещущий, что чудно, как это молоко до сих пор по всей округе не свернулось.

Впрочем, молоко, говорят, у нее хорошее, не разбавляет, и сама она хорошая женщина, но что за

мерзкая баба! Да еще и эта манера вопить ни свет ни заря, с коленцами, с воем, с волчьим упором на «у»! Эдак недалеко до бытового убийства.

Участковый Чередников, Александр Александрович, двадцать три года, образование — высшее юридическое (ВЮЗИ, к тому же всего с одной тройкой, чем он хотел бы похвастаться, да не перед кем), заставил себя перестать качаться на скрипучей койке и подняться. Поджимая пальцы на студенном полу, добрел до умывальника. Не разлепляя веки, по привычке, вхолостую похватал пальцами в поисках крана. Вспомнил: «Не будет тебе никакого крана, ты не в городе», — и пригорюнился.

Вчера бы еще расквасился, а то бы и с моста бы сиганул. Но, переночевав с бедой, теперь он взял себя в руки и с кротостью отчаяния готов к любой судьбе.

Чертovo распределение. Чертова Нинка.

Ее работа, без сомнения. Недаром мама говорила: не пара она тебе, эта дочь прокурора. Да и сама девица неоднократно подчеркивала: уйдешь из адвокатуры — амба нашим встречам. Стало быть, и свадьбе, и надеждам остаться в одном из московских — то есть по-настоящему московских — отделений. На службу под руководством будущего тестя он и не надеялся, и не претендовал. «Тестюшка» постоянно забывал о том, что он бывший военный прокурор, и, стоило спиртного понюхать огромным пористым

носом, травил такие черно-красные жуткие байки, что хоть из-за стола беги. Прошу покорно такого в начальство.

А вот остаться в столице очень хотелось. Сам-то Чередников не без гордости носил паспорт, в котором был штамп: «Ст. Крюково, „Спутник”», и родной наукоград Зеленоград любил, однако работать хотелось бы не на буранном полустанке Тюратаме, а в настоящей Москве, то есть хотя бы в пределах кольцевой автодороги, если повезет — то внутри Садового... ну хотя бы Бульварного!

Однако какое двоедушие! Со всех сторон с детства слышим поучения: будь бескомпромиссным, принципиальным, иди прямыми путями — и станешь Человеком. А как до дела доходит, то забудь про женитьбу, принципиальный, собирай, человек, вещи и отправляйся на пруд лягушек давить, в дыру, именуемую Морозки. Шестьдесят пять километров от Садового, а от родного Зеленограда — все восемьдесят.

В другое бы время, лет через десять, прожив подольше и поумнев, Чередников бы согласился с тем, что это место по всем статьям золотое. Стародачное, негусто населенное вполне смирным, в основном творческим людом. Как секретарь ректора, змеюка, съязвила: «Как раз подучишься с людьми общий язык находить, промолчать, когда требуется, да и пообтешешься на природе».

Нашла Буратино.

Не обтесываться его послали, а прямо нос обреза-ли, вместе с самосознанием. Все последние ме-сяцы учебы он был свято уверен в том, что его, го-тового молодого следователя, ждут не дождутся, чтобы немедленно приставить к серьезному делу. Саша прямо видел, как в кинохронике, блаженную последовательность: блестящая сдача экзаменов — срывающая овации защита на революционную тему «Осмотр места преступления» — торжественное вручение диплома — немедленное заступление на службу в качестве как минимум начальника отдела по борьбе с бандитизмом.

А дальше все будет просто замечательно, начнется новая жизнь, служба на благо обществу с мастер-ским, моментальным решением самых головолом-ных задач, разгадкой самых хитроумных замыслов.

Возможно, не сразу. Наверное, не так быстро. Однако все предпосылки-то на месте! Мозги име-ются, готовый следователь. Саша даже научился на машинке печатать вслепую, чтобы было все безуко-ризненно.

Однако старый капитан арбатского отделения, в котором Чередников проходил в последний раз практику, рассудил по-иному. О чем поведал прямо, без обиняков:

— Прости, Шурик. Не потянешь.

От неожиданности Чередников позабыл суборди-нацию:

— Как же так! Сами сказали: как защитишься — приходи.

— И что?

— Я пришел. Я ж на практике у вас работал, что, плохо?

Капитан утешил:

— Хорошо, хорошо работал. И печатаешь неплохо, чистенько, почти без ошибок. Референтом каким или секретаршей взял бы тебя, а вот служить... Видишь ли, дорогой! Арбат у нас район непростой, местами номенклатурный.

— И что?!

— Непростое тут население. С гонором, связями, — напрямую разъяснил капитан, — и темпераментное. Хотел бы я тебя взять, но жалею ж тебя. Через неделю все равно вылетишь сапогами вперед, только еще и с волчьей характеристикой. Ну не потянешь ты, Шурик, просто не сдюжишь: молод, опыта, такта недостает. Языком машешь.

— Когда это?! — снова вздыбился Чередников, справедливо полагая себя существом молчаливым и солидным.

— Устроил выволочку старушенции.

— Не выволочку! Внушение! Просто объяснил, что нельзя захламлять общественное пространство! В общем коридоре — соленья, в вентиляционной шахте троицыну травку она сушит. Предоставлены отдельные квадратные метры — там и суши!

Однако капитан продолжал:

— ... не выяснив, кто она да что.

— Прописана по указанному адресу...

— Она домработница.

— И что?

— Ничего. Если не знать, чья. В общем, не потянешь, смирись до времени.

— Вы же говорили!..

Капитан и не спорил:

— И говорил я, и соображаешь ты вполне сносно. Только ведь одних мозгов в нашем деле мало, надо притираться, иной раз и прогибаться, проявить, так сказать, гибкость. У тебя всего этого пока нет. Поэтому отправляйся трудиться, куда пошлют — и, поверь мне, тебе ж лучше будет, если куда подальше. Потолкись на земле, лучше где поменьше ответственности, с более простыми людьми поживи, поучись — а там и возвращайся.

Пошутил напоследок:

— Меня заменишь. Маме поклон передавай.

И выпроводил.

* * *

Чтобы остыть и сообразить, что теперь делать, Шурик решил пройтись в обратную сторону по Арбату, шагал нарочито медленно, считая брусчатку и пытаясь усмирить клокотавшую злость. «Снова здорово. Начинается погоня осла за морковкой,

говорят: рано тебе, давай попозже, в светлом будущем... безнадега все это. Оно, конечно, от него мало что зависит. Он исключительно от хорошего ко мне отношения. Ничего плохого не имел в виду... но черт тебя дерь!»

У Вахтангова его остановила какая-то блоха мелкая с огромными глазищами и длинной, тощей, исключительно белой шейкой:

— Простите, есть лишний билет на «Турандот»...

— И не стыдно спекулировать? — рыкнул он.

Девушка, покраснев и чуть не плача, принялась оправдываться, что, мол, подружка не пришла, а потом вовсе, покраснев, выпалила:

— Да я бесплатно вас приглашаю!

Шурик смутился и чуть было не спросил, москвичка ли она и не желает ли замуж, но спохватился: это уж совсем свинство с его стороны. Ничего себе, симпатичная особочка. Только вот неясно, что за подружка у нее не пришла — вон, табун таких же пигалиц, роившийся неподалеку, явно наблюдал за ее эволюциями. Наверное, эти из будущих актрис, развязность нарабатывают. Или поспорили. Да ну их, неумных. Чередников, ухватив девушку за вялую ручку, чмокнул и прорычал: «Благодар-рю, сударыня», пошел своей дорогой.

Еще какое-то время он мысленно сучил лапками и надувал щеки, но был вынужден признать: ничего не попишешь, придется скрепя сердце ожидать рас-

пределения. К тому времени, как дошел до метро, смирился окончательно. И, смирившись, решительно свернул на Гоголевский, рухнул на скамейку. Принялся далее страдать относительно несправедливостей жизни.

Он ведь не салага, не случайный элемент в системе! Он ведь, Сашка Чередников, честно с первого курса трудится по профилю. Причем не где-то, а в 15-й юридической консультации Московской городской коллегии адвокатов. Пусть в канцелярии, что с того? Это ж какой ценный опыт, у других такого нет (уверяла мама, заталкивая его туда).

И о маме.

Вера Владимировна Чередникова — известный на всю Москву и область замечательный стоматолог-ортопед-золотые руки. Да что столица, к ней и со всего Союза тянутся, с направлениями и без. Ее мосты, как неостроумно пошутил один замминистра, ядерную войну переживут. Вот и прибыл к ней в хозрасчетный кабинет Тот Самый, легенда юридической Москвы, адвокат Беленький Леонид Моисеевич, именно по этому вопросу — поправить мост. Вот пока он млел, рот разинув, и, соответственно, был готов на все, мама Вера Владимировна и подействовала любимому сыночку. Или подсуропила?

Узнав об этом, первокурсник Саша сначала обрадовался, потом сник.

Он был свято уверен, что адвокатура — это не его.

С тех самых пор, как Саша узрел свою фамилию в приказе о зачислении в ВЮЗИ, он видел себя при погонах, следователем по особо важным делам; ну если очень сильно не повезет, то, так и быть, в крайнем случае ОБХСС — и никак не меньше.

Шурик был идейный борец с преступностью. С детства играл только за казаков, устраивал наружное наблюдение за «подозрительными» соседями, однажды умудрился Марии Александровне из первого подъезда найти пропавшего терьера.

Все мальчишки и девчонки ныли и прыгали перед кассами кинотеатров, где шли мультики, или под дверями соседей, у которых были теле-чудо-экраны, и сметали с библиотечных полок книжки со сказками. Шурик скандалами, ультиматумами и, напротив, примерным поведением продавливал себе право читать Льва Шейнина, а от мультиков с незамысловатым сюжетом с презрением отворачивался.

И вот на тебе: наконец-то выросши, приходится, по сути, трудиться по ту сторону баррикад, пособляя занудам в позолоченных очках извлекать с заслуженных нар разнообразный, но бесспорно вредный люд. Саша и мысли не допускал о том, что под следствие может попасть невиновный, и, напротив, категорически не верил в то, что человек, имеющий хоть какое-то отношение к МУРу, способен ошибаться, не говоря о чем-то ином.

Впрочем, на отвлеченные размышления времени у него было немного: на то, чтобы укротить буйство бумаг, папок, картотек уходили все силы. Работенка — не бей лежачего. Целыми днями, аки мышшь канцелярская, копошишься в папках, пробиваешь да сшиваешь бумажки, теряешь каталожные карточки — получаешь по шапке за малейшие, казалось бы, пустяковые огрехи от всех этих злющих, жизнью и молью побитых тетушек. Оказалось попутно, что не так уж «чистенько» печатает Саша. После первых двух работ его согнали с конторского «рейнметалла» и строго-настрого запретили приближаться. На его долю выпадала скорее тяжелая «мужская» работа: закручивать струбины прессы, плюща пухлые папки, пробивать шилом дырки для сшивания листов, бегать по поручениям, сидеть на телефоне. Причем заведующая канцелярией самолично написала на нескольких бумажках, что кому говорить при каких обстоятельствах.

О том, что где-то кто-то занимается Настоящим Делом, напоминали только телефонограммы судебных секретарей, оформлявших защиту по назначению, ордера на такую защиту — и сами адвокаты. Многие из них отличались от тех, которых показывали в кино или описывали — поумнее, попорядочнее, бывалые, многие при орденах, при званиях, научных степенях. Имелись среди них настоящие легенды, как тот же Моисеич, то есть Леонид Мо-